

Нартский эпос и культ дерева у адыгов

Куёк Асфар Сагидович

*Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела фольклора
Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований
имени Т. М. Керашева,
заслуженный журналист Республики Адыгея,
г. Майкоп, Россия.*

Электронная почта: asfar52@mail.ru.

Nart Epic and the Tree Cult of the Adygs

Asfar S. KUEK

*Cand. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian
Federation),
Leading Researcher, Department Folklore Studies
Adyghe Republic Institute of Humanitarian Studies,
Maykop, Russia
E-mail: asfar52@mail.ru*

Аннотация

В адыгском мифопоэтическом сознании сформирована целая система представлений, актуализирующих функциональную значимость и мифологическую символику дерева. Отдельные деревья, так же как леса и рощи, сакрализованы и выполняют функцию храма под открытым небом. Особо выделяется богиня дерева Чьыгтуаш,

олицетворяющая вертикальную модель мира: крона — небо, корни — глубь земли, а ствол — белый свет. Она и связанный с ней мифо-ритуальный комплекс являются сакральным Центром мира.

Ключевые слова: мифология, священные леса, рощи, деревья, божье дерево, золотое дерево нартов, Чыггуаш, благодетельные (огбул), злокозненные (мыгьо).

Abstract

A whole system of representations, actualizing the functional significance and mythological symbolism of the tree has been formed in the Adyg myth poetic consciousness. Single trees as well as forests and groves are the sacral sites and perform the function of the temple beneath the open sky. The tree goddess Chygguasch is especially distinguished personifying the vertical model of the world: crown as a sky, roots as the depth of the earth, and barrel as an our world. She and the myth-ritual complex related with her constitute a sacred Centre of the world.

Key words: mythology, sacred forests, groves, trees, God's tree, golden Narts' tree, beneficial (ogul) evilly executed (mygo).

Культ священных лесов, рош и деревьев (Тхьэч1эгг мэз — букв. «лес под Богом, под покровительством Бога», Тхьэч1эггчыг — дерево под покровительством Бога. — Авт.) в различных формах был известен адыгам с древнейших времён. Об этом свидетельствуют античные и средневековые источники, наблюдения Шильдбергера,

Иоана Лукского, Эвлия Челеби, Витсена, К. Главани и других. Л. И. Лавров, изучая древние верования адыгов, отмечал, что «если брать степень сохранности имён божеств древнего пантеона, то она является наибольшей у абхазцев и адыгейцев. С этой точки зрения абхазские и адыгейские материалы могут стать особенно важным для историка, воссоздающего картину кавказских верований далёкого прошлого» [3, с. 197–198]. В адыгской мифологии покровителем растительного мира является Тхагелидж (*Тхьэггэ-льыдж*). Но есть и Мэзитх — Бог леса, зверей и охоты.

Для адыгов, не строивших языческих храмов, функцию общественных святилищ выполняли места со священными деревьями, возвышенности, кузницы. Священная роща служила главным местом моления у шапсугов. Такая роща Тхэшаг, посвящённая богу Ахыну — покровителю крупного скота, некогда располагалась в районе Шэхапэ, нынешнего посёлка Головинка. Она была вырублена при строительстве Головинского укрепления во время Кавказской войны.

Ещё в 20 гг. прошлого века на территории исторической Черкесии сохранялись священные деревья. Например, в селе Шабанхабль Адыгеи почитали такое дерево, около села Гатлукай росло «дерево Ислама» — огромный пятисотлетний дуб, высотой более 30 метров, оно было вырублено во время строительства Кубанского водохранилища в 70-х гг. прошлого столетия.

Больше всего священных деревьев оставалось причерноморском побережье. Но во время Кавказской войны повсеместно применялась тактика вырубки лесов, колонисты, поселившиеся на землях изгнанных аборигенов, продолжили уничтожение лесов и, естественно, священных рощ и деревьев. К сожалению, такая порочная практика была отмечена и в советское время.

Научный работник Туапсинского краеведческого музея, известный археолог Мадин Тешев в своё время зарегистрировал все культовые деревья в Причерноморском побережье, прикрепил к ним вывеску, что они охраняются государством. Однако, при раздаче земель, в том числе и тех, где стояли священные деревья, были уничтожены последние остатки сотен святых лесов, рощ и деревьев. Это наглядно свидетельствует об отношении чиновников к культурному наследию автохтонного народа. Сегодня сохранились единицы священных деревьев: «тюльпановое дерево» в Шэхапэ, святые деревья в окрестностях Большого Кичмая (*Шэхэк1эй*), Наджиги (*Нэджыго*), пос. Пшадя (*Пшад*) и еще в нескольких местах.

Священными или «божьиими деревьями» могли быть дуб, чинара, граб, каштан, орех, груша, липа и др. Надо отметить, что раньше в каждой долине Черноморского побережья Кавказа, где имелись священные деревья и рощи, отправлялись культы различных божеств. В каждой роще почиталось одно или несколько различных божеств. В жертву этим богам приносили коров, баранов, вешали на деревья мечи, кольчуги, шлемы и т. д. Культ сопровождался просьбами к божествам о покровительстве, об удаче перед весенними походами, о выздоровлении больных. Исполнялся ритуальный круговой танец вокруг священного дерева, затем устраивался пир. Вернувшись с похода, адыги также приходили в святое место с благодарностью за удачные свершения.

Существовало поверье, что из любого святилища, кроме кузницы, нельзя было ничего уносить, вплоть до грязи на подошвах. Верили, что нарушителя постигнет неминуемая кара. Считалось, что присвоившего себе что-либо из жертвенных вещей, умрёт мучительной смертью, отрубленный

сук лишит жизни святотатца. Срубленное дерево влекло за собой уничтожение всего рода, а истреблённая роща — гибель всего племени, которому она принадлежала.

Любопытно, что во время культовых обрядов чаще всего наличествовал крест, который находился под священным деревом. В этом видели влияние христианства (Вейденбаум, Л. Люлье). Здесь необходимо отметить, что крест и до христианства был известен древним адыгам как солярный знак, олицетворявший огонь. При разжигании огня полена располагаются крест — накрест. Видеть в наличии креста у священных деревьев и рощ одно лишь влияние христианства, нам представляется весьма спорным. Любопытно, что храмы строились около больших деревьев, чаще отмеченных как особые [1, с. 33].

Многие очевидцы свидетельствовали о том, что даже в период христианизации или исламизации адыгов, они чаще всего продолжали поклоняться святым деревьям. Об этом писали А. Оларий, Я. Стрейс, А. Ламберти, де ла Мотрэй др.

Известно, что ландшафт местности накладывает определённый отпечаток на характер народа, проживающего в ней. И то, что у адыгов из всех деревьев чаще всего сакрализуется дуб, связано именно с ментальностью народа, особенностями образа жизни и «культивированием качеств стойкости, мужества, необходимости постоянно защищать свою землю» [4, с. 226].

В нартском эпосе адыговмы находим следы особого отношения к дубу, ореху, особенно к яблоне. Только в «Нартах» мы встречаем мотив наличия в адыгском фольклоре мирового дерева — Чыггуаш.

Сильная и волевая дочь предводителя испов (испхэр — низкорослые люди, одни из мифических образов нартского эпоса), рассердившись на мужа нарта Хымышы,

уходит к родителям. У неё рождается сын Пэтэрэз, которого она отказывается кормить грудным молоком. «Если бы хоть с наперсток он выпил бы моего молока, начиная от восхода и заканчивая закатом, не было бы сильнее его, но я не дам ему молока, — сказала нартам Испгуащ. Она предупредила, что её сын не примет чужого молока, поэтому его можно поить лишь соком ореха. Мать говорит, как нужно кормить и воспитывать мальчика: «Сделайте костер из дуба пхэхожа (*цъыгъепхъэхъожъ* — разновидность кавказского дуба. — *Авт.*) и когда он погаснет, угли почернеют, но некоторые ещё будут светиться. Тогда разгребите угли, посадите его туда, и он начнёт есть, выхватывая блестящие угольки из костра [8, т. 4, с. 38].

Не только нарт Пэтэрэз питался дубовыми угольками, но и нарт Шэуай. По нартским обычаям, женщина перед родами поднималась над очагом и становилась на поперечную балку. Рожденные младенцы падали вниз, в очаг. А Шэуай упал прямо на угли, но не испугался, а сел, разгрёб золу и угли и начал играть горящими углями, затем есть их.

В адыгской диаспоре за рубежом сохранились определённые знания о лесе, дереве. «Наши предки всегда знали, какое дерево хорошее, а какое нет, — рассказал нам Хаджумар Хапишт из адыгского селения Козло около турецкого города Эрбаа. Особо выделяли дуб, он является деревом, которое даёт человеку силы. Если сидишь под ним, он поднимает твоё настроение. Ты это, может, сам не понимаешь, а дерево обладает такими свойствами. Таких хороших деревьев у адыгов было немало: самшит, боярышник, ясень, граб и другие» [5].

Известно, что многие народы также почитали дуб. Кельты, например, считали, что каждое дерево (больше

всего дуб. — *Авт.*), имеет особую силу и индивидуальные качества, которые могут передаваться человеку.

А самым почитаемым деревом у абхазов считается граб. «Абхазы почитали адж — дуб, грушу, яблоко, во дворе сажали плодовые: грушу, яблоко, фундук, лавровишню, орех. Однако они предпочитали, как и адыги, сажать орех подальше от дома. Самым почитаемым деревом был ахъэца — граб. Это было связано с тем, что мать Бога звали Хъеция, поэтому Громовержец никогда не бил по ахъэца. Гром бьёт по дереву, потому что там прячется дьявол. Он преследует дьявола, а дерево он не хочет бить. Поэтому абхазы сажают у себя во дворе ахъэца, под ним сидят, у него раскидистая тень» [5].

Адыги считали, что деревья чувствуют, как к ним относятся, исходит ли угроза от людей, или настроены к ним положительно. Это сейчас подтверждается наукой. Академик Эдинбургского университета Тони Труэвас утверждает, что растения обладают зачатками разума, могут воспринимать и перерабатывать информацию, в том числе, способны к вычислениям почти на таком же сложном уровне, что и животные, хотя мозга, как самостоятельного органа, у растений нет. Другой академик И. И. Гунар обнаружил у растений некое подобие в виде своеобразного «центра обработки информации», расположенного в корневой шейке. Он имеет свойство сжиматься и разжиматься, подобно сердечной мышце, таким образом посылать командные энергетические импульсы всем клеткам растения. И академик Тимирязев предполагал, что растения обладают некой тканью, выполняющей роль нервов, по которой, как по проводам, бегут электрические импульсы [7].

Специалисты считают, что Кавказ, а именно его территория, где располагается биосферный заповедник, яв-

ляется одним из центров произрастания реликтовых растений, представителей доледниковых флор Кавказа. Здесь растут деревья, которых адыги особо почитают. Например, самшит, считающийся добрым деревом, дающим положительную энергию человеку. Есть поверье, что накануне Нового года нечистая сила активизируется и начинает летать, заходить в дома людей. Достаточно две небольшие веточки самшита повесить на входную дверь с внутренней стороны и дом будет защищён от любой нечистой силы. Листья самшита служат матрацем для детских люлек, они не пропускают влагу, удобны для ребёнка. Считалось, что предметы домашнего обихода как тарелки, подносы, ложки, половники из самшита имеют особое свойство и благотворно влияют на пищу.

К представителям доледниковой флоры относится и тис, иногда достигающий возраста, как и самшит, более трёх тысяч лет. Тис служил для адыгов своеобразным барометром: когда собирается дождь, тис, даже сухой, изгибается, давая понять, что будет ненастье. Не только дерево, но и ветки, поэтому раньше практически в каждом дворе около амбаров хранился обрубок ветки тиса, который помогал «угадывать» погоду.

Следует отметить, что место проживания адыгов стало своеобразным центром доместикации целого ряда плодовых культур. Они всегда относились к плодовым культурам с особым вниманием, никогда не сажали в своих усадьбах неплодоносящие деревья. Указывая на отношение адыгов к плодовым культурам, нужно сказать о том, что в народных сказаниях о нартах упоминается необычная яблоня, обладавшая чудодейственными свойствами.

Сведения о золотой яблоне нартов зафиксированы в сказаниях о рождении нартов Орзэмэджа и Имыса [8, т. 1, с.

86—99]. Золотое дерево нартов плодоносило круглый год два яблока. С восходом солнца одно яблоко начинало наливать-ся, к закату оно уже было готово к употреблению. Нартские невестки приходили к Сэтэнайгуащ, матери нартов, которая распорядилась плодами золотой яблони. Та, кто хотела родить дочь, надкусывала белую сторону яблока и у неё рождалась девочка «с золотистыми кудрями». Кто хотел родить мальчика, надкусывала красную сторону яблока, и у неё рождался мальчик, «достойный всего нартского рода». Кроме яблок, которые созревали в течение дня, дерево плодоносило ещё одно яблоко на самом верху. Шесть месяцев оно росло, следующие шесть месяцев наливалось. Благодаря этому яблоку, нарты никогда не старели: тот, кто отведал его, становился снова молодым и сильным.

Так жили нарты пока злой Еминеж (Емынэжъ — своеобразный дуплет дракона. — *Авт.*) в облике старика не пришёл к Сэтэнай и непопросил дать ему яблоко, чтобы снова стать молодым. Но мудрая мать узнала его и сказала: «Ты много сделал людям зла и тебе не поможет яблоко, ты не достоин его». Ни с чем ушёл Еминеж, однако, уличив момент, он вырубил золотое дерево нартов со словами: «Если оно мне не поможет, то пусть и вам больше не помогает». С тех пор нарты лишились возможности омолаживаться и стали жить намного меньше, чем в те времена, когда могли пользоваться чудодейственными плодами золотого дерева [8, т. 1, с. 89—90].

Следует отметить, что в русских и скандинавских мифах также есть яблоки, омолаживающие людей. Все деревья адыги делят на положительные, приносящие человеку добро, выполняющие охранительную функцию — благодетельные (огъул), и отрицательные, создающие негатив — злоказненные (мыгъо). «Большинство деревьев

мягкой породы считались вредными для здоровья, как верба, дикий клен, бузина, называли глупыми (чъыг дел), имея в виду, что они не приносят нормальных плодов и растут, где попало» [2, с. 154].

Очень ценился тёрн. Адыги говорили, что для тех, кого некому в дорогу собрать или для того, кто не успел взять с собой в дорогу гомыле (гъомылэ — пища в дорогу. — Авт.), тёрн становился их походной пищей. Из плодоносящих деревьев, произрастающих в лесу, адыги особо выделяют боярышник, он бывает красным и черным. Обрубок из боярышника с семью сучьями олицетворял бога наездников и домашнего очага Созэреша (Шъаозэрэщ). Он обычно хранился в амбаре, и доставали его накануне адыгского Нового года, устанавливали в доме, наряжали сыром, сладостями. Его называют деревом от глаза. Боярышник считается лечебным: и ствол, и кора, и листья, плоды и цветки.

Охранительной функцией, как и боярышник, обладает Нэтемыгъэфэчъыг (дерево-спаситель, оберег от дурного глаза). Оно зафиксировано нами в адыгском селении Козло в 1997 г. во время экспедиции по сбору фольклорного полевого материала среди черкесской диаспоры в Турции. «Мы называем дерево от глаза дауном, — рассказал нам 75-летний житель черкесского села Козло Музаффер Чемгуй. — В соседнем турецком селении жил один колдун, обладавший удивительными способностями. Самое интересное, что он мог одним взглядом остановить на расстоянии движущуюся арбу.

— Ты сможешь остановить эту арбу? — раз спросили его.

Арбы не было видно, был слышен только скрип колёс.

— Конечно, никаких проблем, — ответил он и устремил свой взор на одну точку.

Но арба двигалась. Он попробовал ещё, но не получилось. Тогда он развернулся к людям и сказал:

— Если штыри, соединяющие на шее волов ярмо не из дауна, я дам вам деньги на покупку двух волов. Что бы я ни делал, не могу одолеть даун.

Так и оказалось: штыри были из дерева от глаза. Это дерево единственное в нашей округе, оно растёт в нашем селении у колодца. Даун охраняют, из него нельзя брать большие ветки, разрешают уносить с собой лишь мелкие ветки. Их кладут в подушки, в одежду детей, вешают на шею, они защищают от дурного глаза» [5].

Адыги обладали достаточными знаниями, чтобы различать, где хорошее дерево, а где нет. Так, если взять орех, считается, что его плоды хорошие, калорийные, улучшают еду, но само дерево для человека не очень хорошее. Только шапсуги считают дерево ореха невредным для человека.

Интересный обряд, связанный с культом дерева дэ-ельэпсэк1эк1 («даетлепсечек» — прохождение под корнем ореха. — *Авт.*), до сегодняшнего дня бытует в Шапсугии. «Недалеко от аула, — пишет С. Раскина, — находят большое ореховое дерево с толстыми горизонтальными корнями; под корнями вырывают яму так, что образуется как бы арка, под которой может пролезть человек. В определённое время года, обычно весной, всё население аула собирается около корня и проходит под ним в установленном особом ритуальном порядке. Корню приписывается магическая сила охранять от болезней здоровых и способствовать выздоровлению больных» [6, с. 72].

У адыгов и сейчас бытует обычай сажать на могилах деревья, особенно орех. Это, вероятно, связано с веровани-

ем соединять жизнь дерева с душевной и телесной жизнью человека: оно соединяется до такой степени, что прах человека не пропадает, а напротив, переходит в живущее дерево непосредственно. Даже из крови или плоти усопших, их слез могут вырасти деревья и растения. Адыги считали, что «дух переходил не только в дерево, он мог присутствовать даже в предметах, изготовленных из дерева» [1, с. 155].

Поступательный процесс познания окружающего мира давал возможность народу накопить положительные знания. Древние адыги выработали множество ценных производственных навыков, умение делать прогнозы погоды, применять эффективные способы лечения людей и животных. И сегодня адыги считают, что их предки в своё время были допущены к Всемирному разуму, обладали божественными познаниями в природе и всей Вселенной, только они их растеряли. Это можно проследить в нартском предании «Глепш и Чыггуаш».

В этом нартском материале мы находим чрезвычайно интересную реализацию мифологемы дерева, когда мифообраз дерева предстаёт в виде важнейшей части модели мира, соединяющей три составляющие части Вселенной: нижний, средний и небесные миры. Главный символ Мирового дерева, а в конкретном случае, адыгского Чыггуаш (Чыггуаш) — это моделирование мира по вертикали. Кроме этого, как верно отметила исследователь системы мифопоэтических воззрений адыгов С. Ж. Кудаева, «образ Богини-Дерева одновременно воплощает в себе черты и атрибуты Древа Познания, обладая высшим сущностным знанием, поскольку ветви — волосы ее в небесах, она знает все о небе («небесные», божественные откровения), все о земном и «нижнем» мире, поскольку ее корни проникают во все его семь слоев» [2, с. 40]. Здесь ещё нужно

отметить, что мировое дерево моделирует также страны света, времена года, плодородие. В нартском предании оно предстаёт приветливой, доброжелательной, умной и проныцательной.

Нартский кузнец, покровитель кузнечного ремесла Тлепш, однажды отправился в путь. Он практически не покидал свою кузню, но тут по совету Сэтэнайгуашнарт решил обойти мир, постичь все знания, накопленные в мире и принести их нартам. Изготовил Тлепш стальной посох и стальную обувь. Долго он ходил и вот, наконец, подошёл к берегу огромного моря, где «..увидел игравших девушек, самых красивых из тех, кто имеет тонкие брови. Тлепш сразу влюбился в них и задумал поймать одну из них. Хватал, хватал, но поймать не смог никого, настолько они были увёртливы и гибки. Погнался Тлепш за ними, никого не смог поймать. Тогда он взмолился:

— Именем Тхэ прошу, скажите мне, кто вы? За свой век я не встречал таких, как вы, никогда в моей просьбе женщины не отказывали.

— Мы тхэлухуды богини Чыггуаш (тхаухуды — сказочные девушки, феи. — *Авт.*), — ответили они. — Если станешь гостем нашей богини, она уважит твою просьбу.

— Ведите меня к ней, — сказал Тлепш и отправился вслед за тхаухудами.

Достигли они огромного дерева: дерево — не дерево, человек — не человек, не узнаешь, что это такое. Корнями уходит в глубь земли, кроной, как тучи, доходит до поднебесья, руки человеческие и лицо красивее всех земных красавиц, из золота и серебра сделана. Чыггуаш обрадовалась Тлепшу и пригласила к себе. Накормила, уложила спать. В полночь Тлепш проснулся и пристал к богине со словами: «Отдайся мне!».

— Как же так? — не согласилась Чыггуаш, — я богиня, простые люди ко мне не могут прикасаться.

— Я отношусь к богам, — сказал Тлепш и мужское-женское дело совершил.

Богине это понравилось, и стала она умолять Тлепша, чтобы он остался у нее.

— Нет, мне нельзя оставаться, — возразил Тлепш — я должен найти предел земли и поведать нартам о том, что я познал в путешествии.

— Не ошибайся, Тлепш, если тебе нужны знания, я тебе их дам, мои корни уходят вглубь земли, и я знаю все, что находится под землёй. Я достигаю выси небесной, и я знаю всё, что находится на небе. Земля не имеет предела, зря не ищи её границ.

— О, нет ничего, не имеющего предела, — не поверил Тлепш.

— Кроме земли всё имеет предел, не уезжай. Я познакомлю тебя со звёздами небесными; положу тебе в руки (сделаю владыкой. — Авт.) всех сокровищ, что лежат под землёй и находится на ней.

Но не поверил Тлепш словам Чыггуаш и отправился в путь. Он долго ходил по земле и опять встретился с богиней дерева. Узнав, что Тлепш ничего путного не узнал, Богиня дерева сказала:

— Если бы ты послушал меня, то я дала бы тебе такие знания, что пока ваш род живёт, нескончаемые были бы. Нарты — яростные, гордые люди, это и погубит вас...

Чыггуаш предложила еще раз остаться Тлепшу, но, получив отказ, вынесла из соседней комнаты мальчика.

— Это твой и мой ребёнок, — сказала она, — в него я вложила все свои знания. Пока он будет у вас, у нартов не будет проблем, но если вы его потеряете, пропадёте.

Тлепш вернулся домой. Первой фразой мальчика, когда он начал говорить был вопрос:

— Видите в небе тропу?

— Видим, — ответили ему.

— Тогда не теряйте, когда будете отправляться в поход или возвращаться домой, в пути вы не заблудитесь.

Сын Чыггуащ призван был сыграть существенную роль в жизни нартов, но они не уследили за ним, и он пропал. Тогда Тлепш отправился к богине дерева и сообщил ей о случившемся.

— Время придёт, вернётся, — ответила мать, — но когда он вернётся, известно лишь Тхэ. Если вы ещё будете живы, когда он вернётся, счастье вам, иначе это будет вашей трагедией, погибнете без него [8, т. 1, с. 263-265].

Но нарты не дождалась сына богини дерева, и по преданию были вынуждены покинуть страну нартов. *Чыггуащ*, имевшая доступ к Всемирному разуму, поделилась с нартами своими знаниями, но те не смогли ими воспользоваться. В данном случае знания богини дерева следует понимать и как духовное наследие, опыт жизни предков, потеря которых ведёт народ к деградации. Утрата духовного наследия — это уход от своих корней, жизненных ценностей человечества. Поэтому те поколения, которые пошли от них, до сих пор находятся в поиске жизненных ориентиров. Они-то теряют их, и с ними происходят беды, то находят, тогда живут какое-то время в радости и изобилии. Адыги верят, что всё-таки к ним вернётся сын Тлепша и Чыггуащ, тогда все знания, которые были накоплены предками, не пропадут и послужат им долгие годы, пока будет земля.

Анализ фольклорных текстов и этнографических материалов свидетельствует о том, что в адыгском мифо-

поэтическом сознании сформирована целая система представлений, актуализирующих функциональную значимость и мифологическую символику дерева. Особо нужно отметить Чыггуащ как сакральный Центр мира. Мифопоэтические представления, связанные с деревом имеют глубоко архаическую природу. Они, бесспорно, восходят к древнейшим пластам мировосприятия.

Использованная литература:

1. *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы: Историко-этнографические очерки. Сухуми: Алашара, 1965.
2. *Күёк А. С.* Священное дерево в мифопоэтических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 2. С. 16–167.
3. *Лавров А. И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: Эль-фа, 2009.
4. *Паранук К. Н.* Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп: Адыгейское республиканское кн. изд-во, 2012.
5. Полевой архива Күёка А. С.
6. *Раскина С.* Формы и виды магии в черкесской религии // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов: Материалы Шапсугской экспедиции 1939 г. / под ред. С. А. Токарева, Е. М. Шиллинга. М.: Московский гос. ун-т, 1940. С. 71–81.
7. Советская Адыгея. 2008. 29 нояб.
8. *Нартхэр.* Адыгэ эпос / Зэфэзыхьысыжьыхизэх эзгъэуцуагъэхэр, ублэп1э очеркымрэ комментариехэмрэ зытхыгъэр Хьэдэгъэл1э А. Мыекъуапэ. Мыекъуапэ: Адыгэ тхыль тедзап1, 1968–1971.